

Глава 11

У каждого свои горести

Пока Ли Цинвэнь предавался раздумьям, его четвёртый брат, Ли Цинфэн, уже всю кувыркнулся на кане от избытка чувств.

— Зерно! У нас теперь есть зерно! — ликовал он. — Наконец-то не придётся вылавливать редкие рисинки в пустой похлебке!

Не успел он сделать и пары кувыркков, как его приструнила госпожа Чэнь:

— А ну уймись! Кан проломишь — в дымоходе спать ляжешь!

Несмотря на строгость слов, матушка весь день светилась от счастья: вид полных мешков и звон монет грели ей душу.

Ли Цинфэн, широко улыбаясь, с надеждой заглянул матери в глаза:

— Матушка, может, сегодня сварим рассыпчатую кашу, а не болтушку?

Но госпожа Чэнь осталась непреклонна. Они всё ещё были должны соседям сто цзиней клейкого риса, и этот долг камнем лежал у неё на сердце, не давая спокойно спать.

Глаза старшей невестки Цзян сияли ярче обычного. Расчёсывая волосы сыну, она негромко проговорила:

— Наш Сынок такой же умелец, как отец и дед. С ним вся семья заживёт в достатке.

Госпожа Чэнь кивнула, глядя на младшего сына:

— Каких бы высот он ни достиг в будущем, никогда не должен забывать твою доброту. Ты, как в этот дом вошла, на второй же день взялась за его постель и штаны. Столько лет за ним ходила — иная мать так не досмотрит. Цинвэнь не из тех, кто забывает добро.

Когда Ли Цинжуй и невестка Цзян только поженились, госпожа Чэнь слегла от переутомления. Старая хворь так скрутила ей поясницу, что любое движение вызывало холодный пот. Лекарь тогда велел лежать и не двигаться. Невестка, будучи в доме без году неделю, без единого слова засучила рукава и взвалила на себя всё хозяйство: и готовку, и стирку, и уход за больной свекровью да неразумным деверем.

Даже теперь, вспоминая то время, матушка Чэнь чувствовала вину перед старшей невесткой. Но та лишь отмахнулась:

— Матушка, к чему эти старые разговоры? Столько лет утекло, быльем поросло...

Не успели они закончить беседу, как с улицы донёлся женский плач, перемежаемый яростными мужскими криками.

Ли Маосянь тут же поднялся и вышел за порог. Госпожа Чэнь прислушалась, а затем торопливо обулась. Перед уходом она строго наказала детям:

— Сидите дома, носа на улицу не высовывайте!

Когда родители ушли, шум снаружи стал ещё громче. Ли Цинхун, припав к дверной щели, прошептал:

— Кажется, это братец Цинму разошёлся.

Ли Цинфэн вздохнул, подперев щёку кулаком:

— Отец к ним за год раз по тридцать бегаёт. Даже слушать не надо, и так ясно, из-за чего сыр-бор...

Договорить он не успел: дверь распахнулась, и матушка Чэнь ввела в дом рыдающую женщину. Следом ввалился крепкий мужчина.

— Пошла вон! — вопил он, багровея от гнева. — Убирайся к своим Лю, глаза бы мои тебя не видели!

Кричал Ли Цинму, двоюродный брат Цинвэня. Их деды были родными братьями, и семьи всегда жили душа в душу.

Родственники обступили племянника, пытаясь его урезонить, а матушка Чэнь увела женщину в восточную комнату. Усадив её на край лежанки, она принялась вытирать ей лицо и тихо уговаривать:

— Ну полно, полно. Не принимай близко к сердцу, он же в сердцах это ляпнул.

В западной комнате воцарилась тишина. Братья сидели, затаив дыхание и чутко прислушиваясь к тому, что происходит за стеной.

Женщина долго не могла успокоиться, лишь всхлипывала, давась слезами:

— Тётушка... Тётушка, я не в обиде на него. Знаю, что виновата. Но... но если я не дам зерна родным, отец с матерью с голоду пухнуть станут. Я хоть и замужем, а не могу смотреть, как моя кровь заживо в могилу сходит...

Плакавшая женщина, госпожа Лю, была женой Цинму. Хоть и худосочная с виду, работницей она была отменной, вот только её родная семья жила в такой беспросветной нужде, что дети там вырастали, не имея даже латаной рубахи.

Деревня семьи Лю, откуда она была родом, насчитывала едва ли полтора десятка дворов. Земли там было — кот наплакал, да и та сплошь камни под тонким слоем пыли. Урожай собирали скудные, на налоги вечно не хватало, и каждый год кого-нибудь из деревни уводили в ямэнь за недоимки.

Ли Цинму был человеком простым и работающим, но и в его доме, где на руках были вечно хворающий отец да престарелые дед с бабкой, лишнему куску хлеба места не находилось.

Госпожа Лю, перебравшись в деревню Ивовую, не могла забыть о страданиях родни. Сначала помогала втихомолку, по чуть-чуть. Но когда помощь стала постоянной, а зерно из амбара начало утекать рекой, терпение мужа лопнуло.

Для неё не было муки страшнее, чем видеть голодную смерть близких, а супруг не мог караулить каждый мешок день и ночь. Из-за этого в их доме раз за разом вспыхивали ссоры.

В конце нынешнего лета обрушился ливень, который смыл все посевы в деревне Лю. Урожай сгнил на корню, не оставив людям ни единого зёрнышка. Родные прислали дочери весточку, и та, проплакав несколько ночей, дождалась темноты и на собственной спине вынесла мешок зерна за околицу, передав его брату.

Чтобы муж ничего не заподозрил, она набила пустую рогожу землёй. Но до осеннего сбора было ещё далеко, припасы подошли к концу, и обман раскрылся, когда в доме стало не из чего сварить даже пустую похлебку.

Когда десяток ртов в семье остался без крохи хлеба, Ли Цинму обезумел от ярости и выставил жену за порог.

Пока женщина плакала в доме, мужчина во дворе утирал скупые слёзы, жалуясь Ли Маосяню:

— Дядя, ты же всё знаешь... Столько лет я тебя своими бедами донимаю. Но сил моих больше нет, не знаю, как дальше жить...

Ли Маосянь лишь тяжело вздохнул, не находя слов для утешения.

— Не хочу грех на душу брать, мать моего сына — женщина справная, за стариками моими ходит, как за родными, тут слова худого не скажу, — продолжал Ли Цинму, привалившись к стене пристройки. — Но эта её слепая любовь к родне... Она всё в ту бездонную яму готова стащить.

Он присел на корточки, и глаза его покраснели от едва сдерживаемой влаги:

— Денег у меня нет, но за эти годы я для её семейки сделал больше, чем для своих. Про зерно молчу, но когда её старший брат не смог налог заплатить и в ямэнь попал, я пошёл кланяться тебе и всей деревне, чтобы человека из беды вызволить. Работу в городе находил — так в первую очередь для её братьев. Они что разобьют — я плачу и извиняюсь. Обидит их кто — я лезу в драку... Мы ведь тоже к ней со всей душой. Как затяжелела она, вся семья на лебеде сидела, лишь бы ей кусочек получше достался. А она? Прятала еду, чтобы матери унести... В итоге двоих детей так и не доносила, с голоду они в утробе преставились...

Мужчина в отчаянии обхватил голову руками:

— Всё из-за того, что я никчёмный! Будь у меня деньги, не была бы наша жизнь такой горькой!

Слушая доносившиеся из-за стены и со двора причитания, Ли Цинвэнь чувствовал, как на сердце ложится тяжёлый, душный груз.

Когда племянник немного выговорился, Ли Маосянь негромко произнес:

— Тяжкое тебе выпало испытание.

Родственники тоже принялись утешать бедолагу: мол, в каждой семье свои горести, побранитесь — и будет, жизнь-то продолжается.

Все втайне понимали: как бы ни шумели, а этой паре не разойтись. Госпоже Лю нигде больше не найти мужа, который терпел бы её столько лет, а в доме Ли Цинму не обойтись без работающей хозяйки.

Ли Маосянь помог племяннику подняться, и люди понемногу стали расходиться со двора.

Госпожа Чэнь вынесла из кладовой мешок риса:

— Ссорьтесь, сколько влезет, но старикам и детям есть надо. Возьми, перебьётесь пока.

Племянник утёр глаза рукавом:

— Тётушка, да ведь у вас самих припасов в обрез...

— Бери, — отрезал Ли Маосянь. — Не за так даём. Сейчас дел невпроворот, будешь приходить да помогать. Ли Цинжуй ещё не вернулся, рук не хватает.

Ли Цинму на миг опешил, а потом закивал:

— Конечно, дядя! До начала большой жатвы я свободен, только скажи — я тут как тут.

— Иди уже, — Ли Маосянь похлопал племянника по плечу. — Отец твой со стариками, поди, извелись все.

Мужчина с сомнением покосился на дверь дома, но госпожа Чэнь успокоила его:

— Жена твоя от слёз ослабла, пусть полежит немного. Ступай.

Когда Ли Цинму ушёл с мешком на плечах, его супруга вскоре тоже поднялась. Дома её ждали дела и заботы, задерживаться дольше она не могла.

Госпожа Чэнь проводила её, зашла к старикам перекинуться парой слов и вернулась только в сумерках.

После ужина матушка позвала младшего сына:

— Сынок, что ты весь вечер сам не свой? Руки всё ещё болят?

Ли Цинвэнь покачал головой:

— Нет, матушка, зажило уже. Всё хорошо.

Ли Цинхун внимательно посмотрел на брата:

— Как братец Цинму ушёл, наш Сынок совсем притих. Небось испугался криков? Да ты не бери в голову, поорут да помирятся.

Глядя в тревожные глаза матери и братьев, юноша признался:

— Послушал я, как живут Цинму с женой... Тяжело это всё.

Госпожа Чэнь невесело усмехнулась:

— В каждой избушке — свои погремушки. Жизнь — это не только гладкая дорога, всегда будут и ухабы, и кочки. Племяннику просто полоса чёрная выпала, поможем — и выберется. Это ещё не беда. Настоящая беда — это голодный год. Когда в амбаре ни зёрнышка, в поле — шаром покати, а вся семья кору с деревьев гложет. Только самые крепкие духом тогда выживают.

Воспоминания разбередили ей душу:

— Да что далеко ходить — позапрошлый год вспомни. Град всё побил, есть было нечего, корни да личинок из земли выковыривали. Деревни пустели, люди целыми волостями в мир уходили милостыню просить. Кабы не дядя Чэн, что за сотни ли несколько мешков риса привёз, не сидели бы мы сейчас тут.

— В нашей деревне земли тоже в достатке, — вздохнула невестка Цзян, — а дней, когда вдоволь ели, по пальцам перечесть можно. То засуха, то недород. Привыкли каждую кроху беречь, чтобы в лихую годину смерть за порог не пустить. Я до сих пор боюсь досыта наедаться...

Слушая рассказы матушки и невестки о пережитом голоде, Ли Цинвэнь внезапно почувствовал острый, почти физический страх. В этом мире не было ни удобрений, ни семян, дающих небывалый урожай, ни машин, ни плотин. Человек здесь был слаб перед лицом стихии.

«Раз уж я здесь, — подумал он, — пути назад нет. Нужно строить жизнь так, чтобы никакая беда не застала врасплох. Зерно и деньги — вот единственный щит»

На следующий день Ли Маосянь, собрав вырученные деньги, намеревался отправиться в уезд за клейким рисом. Но не успел он выйти, как в ворота постучали.

— Вчера в городе вашего второго сына встретил, он просил это передать, — гость протянул свёрток с лекарствами. — Засиделся я вчера за чаркой, заночевал там же, пришёл вот только сейчас. Надеюсь, не опоздал?

Едва уловив горький аромат трав, Ли Маосянь понял, что это снадобье для жены. Он поспешил заверить гостя, что всё в порядке.

— Это Чжо-эр прислал? — госпожа Чэнь вышла из пристройки, услышав разговор. — Небось в долг взял... Эх, ну что за ребёнок...

Она терпеть не могла долгов, особенно когда речь шла о хозяевах, у которых служил сын. Те люди не отличались мягкостью нрава, и матушка боялась, что теперь Ли Цинчжо придётся терпеть косые взгляды и попреки за эти травы.

Ли Маосянь тоже был озадачен: денег у сына при себе не было, как же он сумел раздобыть лекарство?

— Сейчас же иду в уезд, — он стряхнул пыль с одежды. — А ты не забивай голову пустяками, разберемся.

Предстояло закупить много зерна, так что отец взял коромысло. Ли Цинвэнь, желая своими глазами увидеть, как продаются узорчатые леденцы и леденцы «Панда», вызвался идти вместе с ним.

<http://bllate.org/book/15828/1428815>